

ФЕНОМЕН ПОСТПАМЯТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ В.Г. ЗЕБАЛЬДА

Юлия Александровна Калашникова

Аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: atrisokrtar@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1486-7943

Аннотация. Проблема художественного осмысления опыта травмы в прозе немецкоязычного писателя и литературоведа В.Г. Зебальда рассматривается на материале его эссе «Естественная история разрушения», романов «Кольца Сатурна» и «Аустерлиц». Представлен краткий анализ рефлексии Зебальда в отношении немецкой литературы травмы, которую Зебальд как литературный критик проблематизировал в своих лекциях и эссе, ставшем манифестом его этической и творческой позиции. В фокусе внимания – роль феномена постпамяти, а также то, как именно данная концепция может быть применена к анализу романов Зебальда. Особое внимание уделяется терапевтическому аспекту письма, который заключается в необходимости выдвигания на первый план диалогических отношений внутри текста. В результате исследования установлено, что повествование в прозе Зебальда строится на диалоге (между героями, между автором и читателем), на диалоге изображений и словесного текста. Данный тип построения является одним из возможных вариантов композиции повествования, дающих доступ к художественному выражению травматического опыта, который в иных случаях оказывается недоступен пишущим о травме (П. де Мендельссон, А. Шмидт).

Ключевые слова: В.Г. Зебальд, литература травмы, постпамять, memory studies, немецкая литература, воздушная война, диалог

Для ранней рецепции творчества В.Г. Зебальда (Winfried Georg Maximilian Sebald, 1944–2001) характерно восприятие его как «писателя Холокоста», которое со временем превратилось в клише. Этим отчасти характеризуются столь значительные различия в рецепции его творчества в англоязычном и немецкоязычном пространствах. В самой Германии Зебальд долгое время был скорее противоречивой фигурой, не в последнюю очередь из-за своей достаточно агрессивной литературной критики. В то же время в англоязычных странах, в частности в США, Зебальд быстро приобрел определенную известность из-за проблематики травмы в его творчестве.

Профессор Колумбийского университета М. Хирш, с именем которой связывают создание концепции постпамяти, приводила тексты Зебальда и, в частности, его роман «Аустерлиц» (2001) в качестве примера данного феномена. По ее мнению, рассказчик как представитель второго поколения ассоциирует себя с главным героем – Жаком Аустерлицем, ребенком войны, таким образом иллюстрируя отношения между семейной и аффилиативной постпамятью [Хирш 1997: 59–95]. Исследованием аспекта постпамяти в прозе Зебальда активно занимались и другие западные ученые. Р. Крауншоу уделяет особенное внимание этическому аспекту постпамяти, который, по

его мнению, недостаточно затронут у Хирш [Crownshaw 2004: 215–236]. Дж.Дж. Лонг, в свою очередь, анализирует тексты Зебальда в плане интермедальности, интерпретируя фотографии в романах Зебальда как реализацию концепции аффилиативной постпамяти [Long 2003: 117–137]. М. Барзилай также уделяет особое внимание фотографии и ее взаимодействию с текстом в аспекте отражения травматических воспоминаний [Barzilai 2006: 205–218].

Целью данного исследования является анализ многолетней рефлексии Зебальда о феномене постпамяти в связи с его критикой немецкоязычной литературы травмы, ставшей толчком для собственных поисков художественной репрезентации травматических событий.

Быстрому признанию Зебальда в литературных кругах не способствовал провокационный тезис о провале немецкой литературы с последующим разоблачением А. Андерша (Alfred Hellmuth Andersch, 1914–1980) в сборнике эссе «Естественная история разрушения» (“Die Naturgeschichte der Zerstörung”). В нем и в лекциях по поэтике в Цюрихе в 1997 г. Зебальд затронул одну из важных для всего его творчества проблем замалчивания немецкой литературой факта воздушных налетов. Зебальд исследовал роль памяти и скрытого присутствия травм прошлого в жизни людей, проявляя особый интерес как к событиям, выходящим

за рамки обыденного человеческого опыта, так и к разнообразным способам, которыми авторы о них сообщают. Лекции оживили публичную дискуссию о воздушных налетах стран-союзников в послевоенном немецком обществе [Denham 2004: 1–6]. Зебальд утверждает, что немецкая литература избегает темы воздушной войны. Он объясняет этот недостаток существованием табу на обсуждение послевоенных событий немцами, в том числе и немецкими писателями. Несмотря на это, отдельные произведения о воздушных налетах все же появлялись, и Зебальд не обходит их вниманием в своем сборнике эссе «Естественная история разрушения», написанном на основе цюрихских лекций и посвященном бомбардировкам немецких городов.

Зебальд безжалостно критикует большую часть существующей на момент публикации сборника литературы о воздушных налетах. Высоко он оценивает только далеко не самый читаемый роман Г. Белля (Heinrich Theodor Böll, 1917–1985) «Ангел молчал» (“Der Engel schwieg”, 1992), который стал одним из первых примеров осмысления данной темы в литературе, и автобиографический роман Х.Э. Носсака (Hans Erich Nossack, 1901–1977) «Гибель» (“Der Untergang”, 1948). Зебальд пишет, что «никто, кроме Носсака был не готов или неспособен написать что-либо конкретное о ходе или последствиях столь долгой, масштаб-

ной и разрушительной кампании» [Зебальд 2019: 33]. По словам Зебальда, значение романа Носсака несомненно, потому что события в нем лишены всякого приукрашивания. В данном тексте он видел идеал непретенциозной объективности, и только так, по мнению Зебальда, может существовать литература. При этом Зебальд осуждает создание псевдоэстетических эффектов, так как из-за них литература рискует утратить силу своего воздействия. Так, подробно разбирается рассказ П. де Мендельссона (Peter de Mendelssohn, 1908–1982) «Собор» (“Die Kathedrale”, 1983), автора которого упрекают в излишнем мелодраматизме и недостатке объективности, а также роман А. Шмидта (Arno Otto Schmidt, 1914–1979) «Жизнь фавна» (“Aus dem Leiben eines Fauns”, 1953) за неуместный литературный авангардизм и полное забвение документальных фактов.

В «Естественной истории разрушения» Зебальд отмечает, что «нормальное функционирование обычного языка в рассказах большинства очевидцев заставляет усомниться в аутентичности изложенного в них опыта» [Зебальд 2019: 30]. Реальность травматического опыта бледнеет, будучи облаченной в расхожие формулировки, которые призваны нейтрализовать реальность переживания. Имеющиеся произведения о воздушной войне показывают, что вербализация травматического опыта еще более

осложняется глубокой личной травмой говорящего, которая сделала разговор о воздушной войне чрезвычайно трудной и психологически сложной задачей: ужас ежедневных воздушных налетов делает людей пассивными, заставляя их эмоционально дистанцироваться от событий. Преодолеть психологическое сопротивление и увидеть события во всей полноте, а также перенести их в литературу – безусловно трудный шаг, и эти проблемы проникают в существующие тексты. Постоянное подавление травмирующих переживаний прошлого, их вытеснение, будто позволяет говорящим контролировать частое и болезненное повторное возникновение травматических переживаний. Существующие тексты о воздушной войне изобилуют уловками, которые помогают выстраивать защиту от чрезмерного вовлечения в их собственные воспоминания, среди которых отступления в более абстрактные размышления, когда сосредотачивать внимание на личных переживаниях становится слишком больно.

Изображение, а если быть точнее, словесное выражение ужаса являет собой, по Зебальду, отдельную сложность. Чтобы написать о воздушных налетах, преимущественно визуальные феномены и сопряженные с ними травматические переживания должны быть переведены на язык слова. Этот шаг, как подтверждают медицинские исследования, является чрезвы-

чайно сложным. Зебальд разработал новый стиль, основанный на взаимодействии текста и фотографии, для решения проблемы невозможности полноценно передать опыт через язык. Эти фотографии могут уточнять или подрывать смысл написанного текста. Зебальд будто создает «лакуны», в которых может возникнуть смысл, а также стремится донести сенсорное ощущение многих травмирующих воспоминаний.

Таким образом, для того, чтобы написать о воздушной войне, необходимо преодолеть собственное психологическое сопротивление. Сложности могут быть связаны с осознанием зверств, совершенных Германией, которое вызывает чувство стыда и вины у немецких авторов, или с глубокой личной травмой, а также с общей сложностью эстетической репрезентации событий, выходящих за рамки обычного человеческого опыта.

В собственном творчестве Зебальд ищет любые пути доступа к опыту, каким бы ускользящим он ни был. Бомбардировки и их последствия – важнейшая тема писателя. При этом эпизоды бомбардировок не основываются на пережитом лично травматическом опыте автора; с самого начала подчеркивается его ограниченный доступ к информации об этих событиях.

В данном контексте эссе можно считать своеобразным манифестом творческого

метода Зебальда, взгляда автора на то, какой, по его мнению, должна быть литература. Именно принципам документальности, беспристрастности и объективности и следует в своих текстах Зебальд, при этом избегая излишнего мелодраматизма и выражения личных субъективных чувств, хотя видно, что история воздушных налетов глубоко его затрагивает, даже при том, что живет он в Англии.

«...Мне необязательно возвращаться в Германию, на родину, чтобы оживить в памяти разрушения. Здесь, где я живу теперь, оно тоже часто напоминает о себе. Из семидесяти с лишним аэродромов, с которых взлетали самолеты, несущие гибель в Германию, большая часть располагалась в графстве Норфолк. <...> Взлетные полосы заросли травой, вышки контрольно-диспетчерских пунктов, бункера и ангары из гофрированного железа стоят полуразрушенные среди ландшафта, который зачастую оставляет несколько призрачное впечатление» [Зебальд, 2019: 70–71].

С точки зрения теоретиков травмы, в частности А. Ассман, латентная фаза, а именно замалчивание исторических фактов, связанных с травматичным опытом, является одной из фаз переживания травмы в обществе. Кроме того, в 1997 г., когда Зебальд читал свои лекции по поэтике, считалось, что дискуссия о немецких

жертвах в публичном пространстве может в определенной степени заставить забыть о жертвах Холокоста (так называемый «взаимный зачет вины»), однако Зебальд не отрицал Холокост, напротив – они вместе с Г. Грассом (Günter Wilhelm Grass, 1927–2015)

«...заслужили репутацию писателей, ратовавших за интеграцию памяти о еврейских жертвах в немецкую культурную память. В их случае речь не идет о взаимных зачетах пережитых страданий и уж тем более не о сведении счетов, как это демонстративно делает Рёль. Память, которой они воздают должное, лишена ревизионистской аргументации. Они преследуют не политические, а литературные и психотерапевтические цели, которые состоят в том, чтобы после некоторого периода латентности дать шанс травматическому историческому опыту на осознание и проработку» [Ассман: 116].

В романе «Кольца Сатурна» проблема воздушной войны и ее осмысления средствами литературы актуализируется. Рассказчик совершает путешествие по побережью Восточной Англии, которое вызывает воспоминания о разрушениях. И хотя основной тезис «Естественной истории разрушения» затрагивается в романе лишь косвенно, в нем есть фрагмент, в котором рассказчик говорит с садовником Сомерлейтона Уильямом Хейзелом: диалог не-

сомненно выдуман, но герой становится своеобразным рупором, с помощью которого Зебальд вводит важную для себя тему. Хейзел говорит:

«В начале пятидесятых, когда я служил в оккупационных войсках в Люнебурге, я даже немного выучил немецкий. Думал, что смогу прочесть то, что писали сами немцы о бомбардировках и о своей жизни в разрушенных городах. К моему удивлению, поиск таких сообщений всякий раз оказывался безуспешным. Как будто никто тогда ничего не записал и никто ни о чем не вспоминал, и даже расспрашивая людей лично, я выносил впечатление, что у них в голове все как бы стерлось» [Зебальд 2016: 46].

Красноречиво то, что для садовника-британца воздушная война является проблемой, которая с детства беспокоит его, а для самих пострадавших немцев память о травмирующих событиях будто стерта. Указанный момент поднимает еще одну проблему, связанную с возможностью выражения травматического опыта: для очевидца травматические события становятся отчужденным опытом, в то время как тот, кто не являлся непосредственным участником событий (имеются в виду потомки поколения очевидцев), может получить доступ к травматическому опыту. Однако теперь он будет связан с воображением, чужими воспоминаниями, фотография-

ми и документальными свидетельствами. Потомки чувствуют, что их жизнь и формирование их как личности так или иначе подверглись влиянию исторических событий, которые произошли до их рождения.

Упомянутая нами выше М. Хирш не случайно называет Зебальда представителем поколения постпамяти. В первую очередь постпамять связана с пониманием Холокоста как главной травмы всей истории XX в., при этом концептуализируя разрыв между вторым и третьим поколениями, детьми и правнуками свидетелей Холокоста, по отношению к этой трагедии. Концепция отражает то, как потомки выживших вплетают в историю различные воображаемые события, чтобы создать текст, который уменьшит разрыв между поколениями. Хотя подход разработан в первую очередь по отношению к осмыслению опыта Холокоста, он нередко выходит за рамки данного дискурса: концепцию постпамяти применяют к любому историческому событию, связанному с травматическим опытом.

Заметим также, что феномен постпамяти связан с пониманием сложного психологического процесса проработки травмирующего события, сопровождаемого обязательной задержкой. При этом важно отметить, что данный процесс проработки больше не требует наличия воспоминания о том, что произошло, но лишь опосредуется воображением и воссозданием прошлого. Говоря

об эпистемологических последствиях постпамяти, исследователь творчества Зебальда Дж.Дж. Лонг утверждает, что постпамять «смещает эпистемологическую власть от первого ко второму поколению, что неявно обесценивает опыт первого поколения, в то же время вычеркивая субъективность второго поколения и заменяя ее последствиями травмы предыдущего поколения» [Long 2006: 149]. Можно, вероятно, утверждать, что второму и последующим поколениям удастся справиться с такой травмой, приняв рефлексивную позицию по отношению к прошлому, дающую возможность совместить личный опыт травмы и повествование о травмах предыдущих поколений.

«...Постпамять отличается от памяти глубокой личной связью. Постпамять – это мощная и очень специфическая форма памяти, потому что она связана со своим объектом или источником, опосредована не воспоминаниями, а деятельностью воображения и творчеством» [Hirsch 1997: 22].

Согласно этой идее, только последующие поколения могут создавать литературу о травме, так как прямая связь с травмирующими событиями в виде воспоминаний закрывает всякий доступ к возможности творческого их осмысления. Данная концепция как нельзя лучше подходит для интерпретации творчества Зебальда. В част-

ности, его роман «Аустерлиц» кажется почти буквальным ее воплощением. Главный герой романа Жак Аустерлиц теряет память о своем травматическом прошлом, он ничего не знает о своей личной истории, кроме того, что в 1941 г., когда ему было пять лет, его вывезли в Англию. Жак Аустерлиц является как бы собирательным образом очевидца травматических событий, который долгое время тратил колоссальные усилия на то, чтобы вытеснить воспоминания о травме. Осознание этого приводит героя к тому, что он начинает свой путь поиска знаков прошлого и проработки своей личной травмы.

«Сейчас я понимаю, как мало у меня опыта воспоминаний, как много сил, напротив, я прилагал всегда к тому, чтобы по возможности ни о чем не вспоминать, и устранял со своего пути все, что так или иначе могло бы быть связанным с моим неизвестным мне прошлым. Так, например, я, как это ни чудовищно звучит даже для меня самого, решительно ничего не знал о завоевании Европы немцами, о построенном ими государстве рабов, и ничего о том преследовании, которого мне удалось избежать, а если я что-то и знал, то знал об этом не больше, чем какая-нибудь продавщица знает, например, о холере или чуме» [Зебальд, 2006: 170].

В то же время рассказчик не является носителем этого опыта травмы, и он, в свою

очередь, может собрать воедино рассказы Аустерлица о том, что он узнал, путешествуя по Европе в попытках по крупицам собрать знания о своем прошлом. Рассказчик в итоге и собирает все истории, фотографии, документы в единый текст, который предстает перед читателем в виде романа «Аустерлиц». В этом суть феномена постпамяти – возможность рассказать о травматических событиях переходит к тем, кто об этих событиях знает лишь опосредованно.

Также стоит подчеркнуть диалогический характер прозы Зебальда, который является неотъемлемой частью его концепции литературы о травме. В прозе Зебальда повествование всегда строится на диалоге: в случае с романом «Аустерлиц» – на диалоге Аустерлица и рассказчика; в случае «Колес Сатурна» – на диалоге рассказчика с его случайными собеседниками, а также с читателем. Российская исследовательница в области эстетики М.П. Фокеева подчеркивает терапевтический характер зебальдовской прозы и отмечает, что она «...является художественным аналогом психоаналитических бесед, поэтому подразумевает диалогическую форму повествования» [Фокеева 2021: 21–22]. Таким образом, проза Зебальда трактуется как схожая с психотерапией. Американская исследовательница К. Карут, говоря о теории травмы, тоже оперирует психоаналитическими терминами, привлекая фрейдистские трактовки [Caruth 2013:

3–18]. По мнению К. Карут, травма – событие, которое произошло слишком внезапно, чтобы быть к нему готовым. Болезненность возврата травматических воспоминаний облегчается проговариванием опыта, переживанием его в диалоге с психоаналитиком. Сходство прозы Зебальда с психоаналитической терапией проявляется в том, что она предполагает развертывание повествования на границе Я и Другой, что дает возможность словесного оформления истории о травматическом опыте.

А. Фукс в своем исследовании творчества Зебальда утверждает, что поэтика памяти Зебальда опирается на ряд сложных интертекстуальных игр, чтобы превратить историю в своего рода фантазмическую конструкцию, которая предпочитает отсутствие присутствию и историческую утрату прогрессу [Fuchs 2004: 191]. Это справедливое заключение, однако, требует уточнения: не столько игровой и фантазмический характер текстов писателя, сколько этическая концепция, лежащая в основе художественных приемов, определяет позицию Зебальда как литератора и художника. Вся литературная виртуозность и изощренность его прозы является реализацией сложной и неоднозначной нравственной концепции, связанной с индивидуальным чувством вины за события, происшедшие в первые годы жизни Зебальда, которые для него, в отличие от многих и многих людей того времени, прошли безмятежно.

Таким образом, как специалист по литературоведению в эссе «Естественная история разрушения» Зебальд анализирует литературную практику изображения воздушных налетов, проблематизируя феномен памяти о травме и возможностях ее словесной репрезентации. Его собственный художественный метод во многом является итогом этих размышлений. При этом «входом» в прошлое оказывается не память свидетеля событий, а воображение его потомков. Художественный инструментарий постпамяти у Зебальда включает как смешение голосов героев, описание событий в виде диалогов между героями, так и включение в текст изображений. Этот сложный, часто опосредованный диалог с прошлым и диалог о прошлом, помимо собственно репрезентации болезненных событий, создает и (психо)терапевтический эффект, который является важной чертой литературы травмы.

Литература

Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Зебальд, В.Г. Аустерлиц / пер. с нем. М. Кореневой. СПб.: Азбука-классика, 2006.

Зебальд, В.Г. Кольца Сатурна / пер. с нем. М. Кореневой. М.: Новое издательство, 2016.

Зебальд, В.Г. Естественная история разрушения / пер. с нем. Н. Федорова. М.: Новое издательство, 2019.

Фокеева, М.П. Тема травмы в эстетике второй половины XX века: Опыт В.Г. Зебальда: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2021.

Хирш, М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста / пер. с англ. Н. Эппле. М.: Новое издательство, 2021.

Barzilai, M. (2006). On exposure: photography and uncanny memory in W.G. Sebald's *Die Ausgewanderten* and Austerlitz. In S. Denham, & M. McCulloh (Eds.), *W.G. Sebald: history, memory, trauma*. Berlin and New York, de Gruyter, 205–218.

Caruth, C. (1996). *Unclaimed experience: trauma, narrative, and history*. Baltimore, John Hopkins University Press.

Caruth, C. (2013). *Literature in the ashes of history*. Baltimore, John Hopkins University Press.

Crownshaw, R. (2004). Reconsidering postmemory: photography, the archive, and post-Holocaust memory in W.G. Sebald's "Austerlitz". *An Interdisciplinary Critical Journal*, 37, 215–236.

Denham, S. (2006). Foreword: the Sebald phenomenon. In S. Denham, & M. McCulloh (Eds.), *W.G. Sebald: history, memory, trauma*. Berlin and New York, de Gruyter, 1–6.

Fuchs, A. (2004). *Die Schmerzensspuren der Geschichte. Zur Poetik der Erinnerung in W.G. Sebalds Prosa*. Köln, Böhlau.

Hirsch, M. (1997). *Family frames. Photography, narrative and postmemory*. Cambridge, Harvard.

Long, J.J. (2003). History, narrative, and photography in W.G. Sebald's "Die Ausgewanderten". *The Modern Language Review*, 98, 117–137.

Long, J.J. (2006). Monika Maron's Pawels Briefe: photography, narrative and the claims of postmemory. In A. Fuchs, & M. Cosgrove (Eds.), *German memory contests*. Rochester, NY, Camden House.

References

Assman, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics] (B. Khlebnikov, Trans.). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Hirsh, M. (2021). *The generation of postmemory: writing and visual culture after the Holocaust* (N. Epple, Trans.). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Barzilai, M. (2006). On exposure: photography and uncanny memory in W.G. Sebald's *Die Ausgewanderten* and *Austerlitz*. In S. Denham, & M. McCulloh (Eds.), *W.G. Sebald: history, memory, trauma*. Berlin and New York, de Gruyter, 205–218.

Caruth, C. (1996). *Unclaimed experience: trauma, narrative, and history*. Baltimore, John Hopkins University Press.

Caruth, C. (2013). *Literature in the ashes of history*. Baltimore, John Hopkins University Press.

Crownshaw, R. (2004). Reconsidering postmemory: photography, the archive, and post-Holocaust memory in W.G. Sebald's "Austerlitz". *An Interdisciplinary Critical Journal*, 37, 215–236.

Denham, S. (2006). Foreword: the Sebald phenomenon. In S. Denham, & M. McCulloh (Eds.), *W.G. Sebald: history, memory, trauma*. Berlin and New York, de Gruyter, 1–6.

Fokeeva, M.P. (2021). *Tema travmy v estetike vtoroy poloviny XX veka: Opyt V.G. Zebal'da* [The theme of trauma in the aesthetics of the second half of the 20th century: W.G. Sebald's experience] (Doctoral Dissertation Abstract, The State Institute for Art Studies, Moscow).

Fuchs, A. (2004). *Die Schmerzensspuren der Geschichte. Zur Poetik der Erinnerung in W.G. Sebalds Prosa* [The pain of history. The poetics of memory in W.G. Sebald's prose]. Köln, Böhlau.

Hirsch, M. (1997). *Family frames. Photography, narrative and postmemory*. Cambridge, Harvard.

Long, J.J. (2003). History, narrative, and photography in W.G. Sebald's "Die Ausgewanderten". *The Modern Language Review*, 98, 117–137.

Long, J.J. (2006). Monika Maron's Pawels Briefe: photography, narrative and the claims of postmemory. In A. Fuchs, & M. Cosgrove (Eds.), *German memory contests*. Rochester, NY, Camden House.

Sebald, W.G. (2006). *Austerlitz* (M. Koreneva, Trans.). St. Petersburg: Azbuka-klassika.

Sebald, W.G. (2016). *Die Ringe des Saturn* [The rings of Saturn] (M. Koreneva, Trans.). Moscow: Novoye izdatel'stvo.

Sebald, W.G. (2019). *Luftkrieg und Literatur* [On the natural history of destruction] (N. Fedorov, Trans.). Moscow: Novoye izdatel'stvo.

Для цитирования: Калашникова, Ю.А. Феномен постпамяти в литературной рефлексии В.Г. Зебальда // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 100–111. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-1-100-111

For citation: Kalashnikova, J.A. (2022). The phenomenon of post-memory in W.G. Sebald's literary reflection. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7 (1), 100–111 (In Russ.). DOI: 10.18522/2415-8852-2022-1-100-111

THE PHENOMENON OF POST-MEMORY IN W.G. SEBALD'S LITERARY REFLECTION

Julia A. Kalashnikova, Postgraduate Student, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
e-mail: atrisokrtar@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to the problem of artistic understanding of trauma experience in W.G. Sebald's prose, exemplified by his essay "The Natural History of Destruction", novels "The Rings of Saturn" and "Austerlitz". A brief analysis of Sebald's reflection on the German trauma literature, which Sebald, as a literary critic, problematized in his lectures and essay, is presented. The focus is on the role of the phenomenon of post-memory, as well as how exactly this concept can be applied to the analysis of Sebald's novels. Particular attention is paid to the therapeutic aspect of writing. The aspect is connected with the need to highlight the dialogic relations within the text. As a result of the study, it was found that the narration in Sebald's prose is based on a dialogue (between the characters, between the author and the reader, on the dialogue of images and verbal text). This type of construction is one of the possible options for composition of narration, giving access to the artistic expression of traumatic experience, which in other cases is inaccessible to those who write about trauma (P. de Mendelssohn, A. Schmidt).

Key words: W.G. Sebald, trauma literature, affiliative postmemory, familial postmemory, memory studies, German literature, air warfare, dialogue

